ков — участников габсбургской коалиции: в 1618 г. — Швеция, в 1621—1622 гг. — Швеция и Турция, затем Голландия и Франция, затем снова Швеция и т. д.

Одной из причин, ускоривших заключение Деулинского перемирия 1618 г., была невозможность для Польши вести борьбу на два фронта: против Москвы и против восставших чехов. В 1619 г. вооруженное вмешательство короля Сигизмунда III, по сути дела, оказало решающее влияние на исход вооруженного конфликта между императором и чешскими феодалами. Таким образом, интересы Чехии и Московского государства в этот момент соприкоснулись, поэтому естественно ожидать в Москве появления симпатий к восставшим чехам.

Возможно, что именно этими симпатиями объясняется тот благосклонный прием, который был оказан в Москве позднее чешскому «графу» Шлику; кстати говоря, один из Шликов, Яхим Ондржей, был среди чешских панов, казненных 21 июня 1621 г. на Старомнестской площади в Праге. Этот Левка граф Шляковский, как называли его в Москве, заявлял, что был «изгнан цесарем за веру» и сумел возбудить сочувствие к чешским реформатам, рассказав о «мучительстве великом», которое чехи терпят от Габсбургов.[21] Для нас не важно, что «Левка Шляковский» оказался вовсе не Шликом; важно другое — полная поддержка, которую он нашел в Москве.

Не исключена возможность, что эти же симпатии учитывал Фома Кантакузин, когда он в 1627 г. от имени турецкого султана стремился заключить русско-турецкий союз: посол обещал царю, что к коалиции присоединится и чешский король. С другой стороны, чешские послы уже в 1620 г. ищут у султана Османа помощи против императора.

Итак, уже с самого начала Тридцатилетней войны замечаются попытки втянуть Россию в борьбу против католической Лиги (во всяком случае против Польши) на стороне антигабсбургской коалиции. Хотя Московское государство и не принимало прямого участия в военных действиях, но оно весьма интенсивно помогало Швеции, Голландии и так далее экономически (поставки хлеба, селитры и пр.). Недаром в Европе ходили слухи, что в армии Густава-Адольфа были русские отряды.

Как видим, историческая обстановка первой половины и середины XVII столетия не могла не возбудить у чешских изгнанников, в том числе и у идеологов братской церкви, определенных надежд на Россию. Немалое значение имело также сознание славянского единства.

Община «чешских братьев», в частности ее глава Ян Амос Коменский, начало своей истории видела не в гуситстве, не в реформации, а в кирилло-мефодиевской эпохе. В «Краткой истории славянской церкви» («Ecclesiae Slavonicae... brevis historiola») Коменский писал: «Среди славянских народов первенцами Христа стали болгары. Им быстро последовали другие племена того же языка: ... сербы, боснийцы, хорваты... и это произошло в результате деятельности Кирилла и Мефодия, греческих епископов, которые знали славянский язык».[22] Затем христианство приняли моравский князь Сватоплук и чешский Борживой, потом Польша и, наконец, «русские и московиты». «Отсюда ясно, — заключает Коменский, — что все эти народы были обращены восточной церковью и приняли христианство по греческому обряду. Это относится и к чехам».[23] Та-

[21] См.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II. Praha, 1947. стр. 362—364.

[22] Jana Amose Komenského Krátké dějiny církve slovanské..., Přel. Jar. Bidlo. — Comenium, VI. Praha, 1893, стр. 16.

[23] Там же, стр. 16—17.